

многія тебя книги въ безуміе приводятъ (Дѣян. XXVI, 24), — ты, который не твердъ въ латыни и скорѣе движешься черепашьимъ шагомъ, чѣмъ выступаешь, долженъ или по гречески писать, чтобы показаться предъ людьми, незнающими греческаго языка, знатокомъ чужаго, — или, если вздумаешь писать по латыни, — послушать сначала грамматика, подставить руку подъ фѣрулу и среди мальчиковъ по образцу старцевъ, начинающихъ свое образованіе въ старости (ἀφ' ἡλικίᾳ) поучиться искусству говорить. Науки не даются богатству, хотя бы кто представлялъ собой Крезовъ и Даріевъ, онѣ спутники пота и труда, союзники поста, а не пресыщенія, воздержанія, а не роскоши. Демосеенъ, говорятъ, расходовалъ болѣе елея, чѣмъ вина и въ своихъ почныхъ занятіяхъ былъ неутомимъ всѣхъ ремесленниковъ. Послѣ того, что онъ сдѣлалъ для выраженія одной буквы, такъ что отъ собаки учился произношенію ρ, ты мнѣ ставишь въ упрекъ, почему я человѣкъ изучилъ отъ человѣка еврейскія буквы. Отсюда происходитъ, что нѣкоторые мудрецы остаются въ невѣжествѣ, пока не захотятъ изучать то, чего не знаютъ. И не слушаютъ они увѣщаній Горація:

Почему ложно стыдись я предпочитаю лучше оставаться въ невѣдѣніи, чѣмъ принять на себя трудъ изучать? Объ этомъ же предметѣ говоритъ и Премудрость устами Соломона: въ злохудожну душу не ввидеть премудрость и не будетъ обитать въ тѣлѣ, преданномъ грѣху: ибо Духъ Святой удалится отъ ложнаго обученія и отступитъ отъ неразумныхъ помысловъ (Прем. 1, 4—5). Другое дѣло, когда, довольные чтеніемъ толпы, не обращаютъ вниманія на вкусъ ученыхъ и не возмущаются тѣмъ презрительнымъ взглядомъ, которымъ клѣбится наглое невѣжество:

Не ты ли, неученый, имѣлъ обыкновеніе распѣвать на перекресткахъ свою жалкую пѣснь на свистящей тростинкѣ?

Какъ будто толпа кудрявоволосыхъ юношей не распѣваетъ въ школахъ произведеній сладострастной Милезійской поэзіи. И произведенія въ родѣ «testamentum Suis, Bessorum» способны вызвать взрывъ хохота въ груди и подобаго рода болтовня часто повторяется на пирушкахъ бездѣльной молодежи. Не каждый ли день на площадяхъ уличный скоморохъ бьетъ по хребту глупцовъ и когда они хотятъ кусать палку, успѣвши перевернуть ее бьетъ ихъ по зубамъ, а мы удивляемся, если книги невѣжественныхъ людей находятъ себѣ чтена?

18.—Негодуютъ на меня, почему я написалъ, что послѣдователи Оригена связываются между собой оргіями лжи. Я назвалъ книгу, въ которой читалъ это написаннымъ, именно шестой Строматеонъ Оригена, въ которомъ онъ, принаровляя нашъ догматъ къ мифіямъ Платона, такъ говоритъ: Платонъ въ шестой книгѣ о государствѣ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «равнымъ образомъ нужно всѣми усиліями стараться соблюдать правду. Ибо если, какъ немного выше я весьма справедливо сказалъ, для Бога не пристойна и бесполезна ложь, для челоѣка же иногда полезна для того, чтобы пользоваться ею, какъ пищею или лекарствомъ,—то нѣтъ никакого сомнѣнія, что свобода подобаго рода должна быть дана врачамъ и должна быть отнята у неблагоразумныхъ людей. Правду, отвѣчалъ на это собесѣдникъ, ты утверждаешь и по этому начальники городовъ, если для кого нибудь еще и другаго допускается подобная свобода, должны иногда лгать или противъ враговъ или въ защиту отечества и гражданъ. Отъ всѣхъ же другихъ, которые не умѣютъ пользоваться ложью, должно быть отнято право на всякую ложь». По поводу этого мнѣнія Платона Оригенъ разсуждаетъ: «и такъ мы, помня наставленіе: говорите правду каждый ближнему своему (Ефес. IV, 25), не должны говорить, кто нашъ ближній?—Но посмотри, какъ осторожно сказала философъ: Богу не пристойна и бесполезна ложь, людямъ же

иногда полезна — и даже въ видахъ міроуправленія нельзя представлять возможности обмана со стороны Бога. Если же когда потребуетъ польза слушающаго, Богъ говорить въ темныхъ выраженіяхъ и загадками выражаетъ то, что хочетъ, такъ что сохраняется за Нимъ и достоинство истины и то, что могло быть вреднымъ, если бы было предложено народу неприкровеннымъ, является прикрытымъ нѣкоторою завѣсою. Человѣку же, для котораго является необходимость обманывать, тщательно нужно наблюдать, чтобы такъ воспользоваться ложью, какъ пользуется пищею или питьемъ, чтобы соблюдать мѣру и не выходить за предѣлы, которыми воспользовалась Іудея противъ Олоферна и побѣдила его благоразумнымъ притворствомъ на словахъ. Достойна подражанія Есфирь, которая, долго скрывая истину своего происхожденія, измѣнила намѣреніе Артаксеркса и въ особенности достойна подражанія патріархъ Іаковъ, который, какъ мы читаемъ, искусною ложью испросилъ себѣ благословеніе отца. Изъ этого ясно, что если мы не такъ будемъ пользоваться ложью, чтобы изъ этого для насъ вытекало какое нибудь большое благо, то насъ нужно судить, какъ враговъ Того, Который сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV) •. Такъ писалъ Оригенъ, чего отрицать мы не можемъ и писалъ въ книгахъ, назначенныхъ для совершенныхъ и для учениковъ и здѣсь учитъ, что учителямъ должно лгать, а ученики не имѣютъ этого права. Такимъ образомъ, кто умѣетъ лгать и способенъ безъ всякой застѣнчивости все, что ни придетъ на уста, бросать въ своихъ братьевъ, тотъ докажетъ, что онъ сильный учитель.

19. Защищаетъ толкованіе втораго псалма Смѣшеніе понятій: цѣлованіе и почитаніе въ еврейскомъ языкѣ. Говорятъ, что онъ порицаетъ меня еще за то, что въ объясненіи втораго псалма, вмѣсто выраженія, которое стоитъ въ латинскомъ текстѣ: *apprehendite disciplinam* и въ еврейскомъ: *nescu bar*, въ

комментаріяхъ своихъ я сказалъ: *adorate filium* (почтите сына), а въ своемъ полномъ переводѣ псалтири на латинскій языкъ, какъ будто забывши прежнее объясненіе, сказалъ: *adorate pign* (почтите непорочно),—что для всѣхъ кажется полнымъ противорѣчіемъ прежнему толкованію. И въ самомъ дѣлѣ это недоразумѣніе нужно простить ему, если онъ не знаетъ свойства еврейскаго языка и спотыкается иногда и въ латинскомъ. *Nesci*, если переводить слово въ слово, будетъ соответствовать греческому: *καταφιλάτε* и латинскому: *deosculamini* (лобзайте, цѣлуйте). Желая сохранить въ переводѣ возможную чистоту выраженій, я болѣе слѣдовалъ смыслу и перевелъ словомъ: *adorate*.—Такъ какъ тѣ, которые почитаютъ, выражаютъ свое почтеніе цѣлованіемъ руки и наклоненіемъ головы въ чемъ оправдываетъ себя по отношенію къ стихіямъ природы и идоламъ блаженный Іовъ, говоря: если я восторгался сіяніемъ солнца и восходомъ свѣтлой луны и возвеселилось втайнѣ сердце мое и цѣловалъ устами моими руку мою, это великая неправда и великій грѣхъ предъ Богомъ Всевышнимъ Іов. XXXI, 26—27). И евреи по свойству своего языка ставятъ понятія цѣлованіе и почитаніе безразлично одно вмѣсто другаго, то я передалъ въ своемъ переводѣ только то, что понимаютъ сами тѣ, съ языка которыхъ я переводилъ. Слово же *bar* у евреевъ означаетъ различное. Оно заключаетъ въ себѣ и понятіе сынъ, какъ напримѣръ въ именахъ: *Barjona*—сынъ голубя, *Bartholomaeus*—сынъ Фоломея и *Barhiesu* и *Barrabas*. Равнымъ образомъ означаетъ и *пшеницу* и *пучекъ колосьевъ* и *избранный* и *чистый*. Въ чемъ же по этому я погрѣшилъ, когда для слова съ различными значеніями допускалъ различныя толкованія? И если въ толкованіяхъ, гдѣ допускается свобода разсужденія, я сказалъ: *adorate filium*, то въ полномъ переводѣ, чтобъ не показаться произвольнымъ толкователемъ и не подать повода къ порицанію со стороны евреевъ, я поста-

виль: *adornate pure* или *electe*,—что также перевели и Аквила и Симмахъ. Какой же вредъ для вѣры церкви, если читатель научается, сколькими способами объясняется въ еврейскомъ языкѣ одно и то же слово?

20. Заблужденія Оригена. — Твоему Оригену позволительно разсуждать о переселеніи душъ, сочинять безчисленные міры, разумныя созданія вводитъ постоянно въ новыя и новыя тѣла, говорить, что Христосъ часто страдалъ и часто будетъ страдать, такъ что то, что однажды принесло пользу, всегда приносить пользу и по уничтоженіи: (ты также уничтожаешь весьма много своего значенія такъ, что въ еретикѣ видишь превратно мученика, въ книгахъ Оригена—поддѣлку еретиковъ)—а мнѣ нельзя будетъ разсуждать о словахъ и учить римлянъ въ своихъ толкованіяхъ тому, чему я самъ научился у евреевъ? Если бъ не потребовалось пространнаго разсужденія и не отзывалось самохвальствомъ, я показалъ бы теперь тебѣ, насколько полезно тереть пороги учителей и изучать искусства отъ самихъ художниковъ и ты увидѣлъ бы, какой лѣсъ въ еврейскомъ языкѣ двусмысленныхъ именъ и глаголовъ. Здѣсь представляется предметъ для различнаго толкованія, а пока каждый выбираетъ себѣ то значеніе, которое ему кажется болѣе подходящимъ. Но за чѣмъ я отсылаю тебя къ чуждому для тебя языку? Раскрой Аристотеля и Александра толкующаго томы Аристотеля, (о распространеніи томовъ котораго позаботился великій Александръ). Читая ихъ ты узнаешь, какое обиліе въ нихъ двусмысленностей такъ, что, можетъ быть, перестанешь наконецъ упрекать своего друга въ томъ, что не въ сновидѣніи я когда то изучилъ.

21. Толкованія на посланіе къ Ефессеямъ. Такъ какъ братъ мой Павлиніанъ разсказалъ о нѣкоторыхъ порицаніяхъ съ его стороны относительно моихъ толкованій на посланіе къ Ефессеямъ и немногія изъ нихъ припомнилъ и показалъ

миѣ самыя мѣста, подавшія поводъ къ обвиненію, то я не долженъ пройти молчаніемъ это обвиненіе и прошу читателя, если я въ изложеніи и разрѣшеніи обвиненій буду нѣсколько пространнѣе, отнестись снисходительно къ этой необходимости: ибо я не обвиняю другихъ, я стараюсь только защитить себя и опровергнуть введеныя на меня клеветы ереси. На посланія Павла къ Ефессеямъ Оригенъ написалъ три тома. Равнымъ образомъ Дидимъ и Аполлинарій представили съ своей стороны особые небольшіе труды. Частію переводя, частію подражая имъ въ своихъ толкованіяхъ, я представляю здѣсь, что я писалъ въ прологѣ къ этому труду:—«Равно предъувѣдомляю въ введеніи, чтобъ вы знали, что три тома на это посланіе написалъ Оригенъ, которому мы отчасти слѣдовали и что Аполлинарій и Дидимъ издали свои небольшія толкованія. Изъ нихъ, хотя и немногое, мы почерпали: нѣчто прибавили, по своему усмотрѣнію, а нѣчто сократили такъ, что внимательный читатель въ самомъ началѣ можетъ узнать, напос ли это произведеніе или чужое (Введеніе къ толкованіямъ на посланіе къ Ефессеямъ)». Итакъ во всемъ, что могло бы показаться ошибочнымъ въ моихъ толкованіяхъ на это посланіе, если я не буду въ состояніи указать этого въ греческихъ изданіяхъ, откуда, какъ я сказалъ, я переводилъ на латинскій языкъ, я признаю себя виновнымъ и на миѣ будетъ лежать отвѣтственность за все, что не окажется чужимъ. Однако, чтобъ не показалось, что, вмѣсто оправданія, я отдѣлываюсь шуткой и не смѣю выступить для открытой защиты, я изложу здѣсь, что называется, самыя доказательства моей вины.

22. Долгъ толкователя. Время составленія толкованій на посланіе къ Ефессеямъ. Въ самомъ началѣ 1 го тома свидѣтельство Павла, въ которомъ онъ говоритъ: *якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ* (Еф. 1, 4) мы объясняли такимъ

образомъ, что это избраніе не относили къ тѣмъ, которыя прежде были, какъ толковалъ Оригенъ, но относили его къ предвѣдѣнію Божію. Въ заключеніе сказали: «что Апостолъ свидѣтельствуешь, что мы были избраны быть святыми и непорочными предъ Нимъ т. е. предъ Богомъ, это относится къ предвѣдѣнію Бога, для Котораго все будущее есть уже совершившееся и все извѣстно прежде, чѣмъ совершается. Такъ и самъ Павелъ предназначается въ утробѣ своей матери и Іеремія еще во чревѣ освящается, избирается, укрѣпляется и представляя собой прообразъ Христа посылается пророкомъ къ язычникамъ». Конечно въ такомъ толкованіи нѣтъ никакого преступленія и если Оригенъ говоритъ иначе, то въ своемъ толкованіи мы слѣдовали церковному пониманію. И такъ какъ обязанность толкователя приводить мнѣнія многихъ и я обѣщаль въ своемъ Введеніи дѣлать это, то я помѣстилъ даже мнѣніе Оригена, безъ всякой ненависти къ его имени, выразивши его въ слѣдующихъ словахъ: «другой же стремясь доказать справедливость Бога изъ того, что Онъ выбираетъ каждаго не вслѣдствіе предрѣшенія въ своемъ знаніи, но вслѣдствіе заслугъ избранныхъ, говорить, что прежде видимыхъ твореній,—прежде неба, земли, моря и всего, что въ нихъ есть, были другія невидимыя творенія, духовныя, которыя по причинамъ, извѣстнымъ одному Богу, низвержены были съ неба, въ эту юдоль слезъ, въ это мѣсто нашего странствованія и мученія, въ которомъ признанный церковію святымъ молился, да возвратится въ прежнее мѣсто пребыванія, говоря: *увви мнѣ, яко пришествовіе мое продолжися, вселихся въ селеніи Кидарскими. Много пришествова душа моя* (Псал 119 5). И Апостолъ: несчастный я человѣкъ! кто меня избавитъ отъ смертнаго тѣла сего (Римл. 7, 24),—лучше умереть и быть со Христомъ (Филип. 1, 23). И въ другомъ мѣстѣ у Псалмопѣвца: прежде чѣмъ я снизошелъ до земнаго состоянія, я грѣшилъ

(Пс. 118, 67)* и прочее тому подобное, о чемъ долго писать. Примѣть, что я сказалъ: другой же, который стремится представить Бога справедливымъ,—стремится представить, но не представилъ. Если же ты видишь соблазнъ въ томъ, что я, изложивши коротко весьма пространное разсужденіе Оригена, сообщилъ его смыслъ читателю и по этому представляюсь тебѣ тайнымъ его послѣдователемъ, потому что ничего существеннаго не пропустилъ изъ его толкованія, то смотри, не потому-ли это сдѣлано мной, чтобъ избѣжать вашего обвиненія, чтобъ вы не сказали, что я умолчалъ о томъ, что сильно было выражено у Оригена въ его греческомъ текстѣ. Поэтому я, хотя въ короткомъ видѣ, изложилъ все, что нашелъ въ греческомъ толкованіи такъ, чтобы ученики Оригена не имѣли ничего новаго прибавить къ латинскому объясненію. Потому что мы скорѣе презираемъ то, что извѣстно, чѣмъ то, что поражаетъ насъ нечаянностію. Послѣ изложенія толкованія Оригена выслушай то, что я сказалъ въ концѣ главы: «Апостолъ не сказалъ: избралъ насъ, *когда* мы были святы и непорочны, но:—избралъ насъ, *чтобы* были святы и непорочны, то есть: чтобы, не бывши святыми и непорочными прежде, сдѣлались таковыми послѣ. Это можно сказать и относительно грѣшниковъ, обращающихся на правый путь. Такимъ образомъ остается непоколебимой истиной мнѣніе Псалмопѣвца: не оправдается предъ Нимъ всяка плоть (Псал. XIII, 2), т. е. во всей жизни, во все время, пока эта жизнь принадлежитъ этому міру. Понятое такимъ образомъ это мѣсто Апостола и противоположило тому мнѣнію, которое утверждаетъ, что души прежде сотворенія міра избраны были за свою святость и не дѣлаетъ неизгладимой вины изъ грѣха. Ибо Павелъ и тѣ, которые подобны ему, избираются, какъ мы выше сказали не потому, что они были святы и непорочны, но избираются и предназначаются, чтобы въ послѣдующей жизни своими дѣлами